

Цели урока:

- *Образовательная:* наглядно продемонстрировать учащимся, где и как жила семья Кашириных, какова была общая атмосфера в доме, в которой ковался сильный характер, рождался великий писатель.
- *Развивающая:* развитие образного и ассоциативного мышления.
- *Воспитательная:* формирование четких нравственных критериев, жизненных позиций, неприятие “свинцовых мерзостей жизни”.

Оборудование: компьютер, медиапроектор, экран, презентация.

Ход экскурсии

(Слайд № 1)

*Не зная прошлого, невозможно понять истинный смысл настоящего и цели будущего.
М. Горький*

I. Вступительное слово

(Слайд № 2)

— Имя А. М. Горького неразрывно связано с Нижним Новгородом. В настоящее время в городе создан “Государственный музей А. М. Горького”. Он представляет собой музей-объединение трех литературно-мемориальных музеев:

- Литературный музей;
- Музей детства А. М. Горького “Домик Каширина”;
- Музей-квартира А. М. Горького.

(Слайд № 3)

Сегодня мы отправимся на экскурсию в музей детства писателя “Домик Каширина”. Этот неказистый старинный домик стал неотъемлемой частью современного Нижнего Новгорода, одним из самых популярных объектов туризма и достопримечательностью города. Это единственный музей детства Алеши Пешкова и живая иллюстрация к повести “Детство”. Здесь ковался сильный характер, здесь рождался великий писатель.

II. Экскурсия

— Этот дом принадлежал деду писателя по линии матери - нижегородскому красильщику Василию Васильевичу Каширину. Сюда трехлетний Алеша Пешков с матерью Варварой Васильевной приехал в конце августа 1871 года из Астрахани, где умер от холеры его отец Максим Савватиевич. В этом доме Алеша Пешков жил в 1871-1872 годах.

(Слайд № 4)

Одноэтажный дом, построенный в конце XVIII века, характерен для рядовой жилой застройки Нижнего Новгорода. Дом стоит над крутым спуском к Волге в самом начале улицы, которая называется Почтовым съездом (ранее - Успенским съездом).

Когдаходишь к этому дому, сразу чувствуешь, как из XXI века реально попадаешь в конец XIX. Перед домом все по-настоящему: булыжная мостовая, керосиновый фонарь на деревянном столбе, над воротами табличка с надписью: “Дом цехового Василия Васильевича Каширина. Свободен от постоя”. Жители города обязаны были размещать в своих домах на временный постоя солдат, которые проходили через город. Так как Каширин вносил откупной налог, дом был освобожден от этого.

Так вспоминает А. М. Горький в повести “Детство” свой приезд из Астрахани в Нижний Новгород в дом своего деда: *“Дошли до конца съезда. На самом верху его, прислоняясь к правому откосу и начиная собой улицу, стоял приземистый одноэтажный дом, окрашенный грязно-розовой краской, с нахлобученной низкой крышей и выпученными окнами. С улицы он показался мне большим, но внутри его, в маленьких, полутёмных комнатах, было тесно; везде, как на пароходе перед пристанью, сутились сердитые люди, стаяей вороватых воробьёв метались ребяташки, и всюду стоял едкий, незнакомый запах”*.

(Слайд № 5)

Дом, окруженный небольшим двором с красильней, амбаром, каретником, сараем, состоит из четырех комнат и подклети. В маленьких, полутемных комнатах, тесных и мрачных, жила семья из шестнадцати человек.

(Слайд № 6)

Вокруг двора - высокий дощатый забор с гвоздями поверху (“против воров”). Вдоль забора расставлены старые котлы, к забору прислонён дубовый надмогильный крест, напоминающий о печальных событиях в семье Кашириных - таким крестом был задавлен насмерть приемный сын Кашириных работающий, добрый, веселый Ваня Цыганок.

Двор у Кашириных был типично промысловым - весь завешан мокрыми крашеными тряпками, заставлен чанами с разноцветной водой. Здесь круглый год кипела работа под руководством старого мастера Григория. Красильня обеспечивала безбедное существование многочисленной семье Кашириных. Крестьяне приносили в окраску домотканые холсты, пряжу. Нередко Василий Васильевич Каширин находил и крупные заказы - подживлял купцам выгоревшие на солнце товары.

Рядом с красильней находились амбар и каретник. В амбаре хранилась хозяйственная утварь: сундуки, дорожные корзины, бутылки с краской, конская упряжь, а в каретнике у яслей с сеном стоял Шарап - единственная лошадь Кашириных, любимец бабушки. В красильне работали сами Каширины, мастер Григорий, Цыганок и работники, нанимаемые на время больших заказов.

(Слайд № 7)

При первом знакомстве двор показался Алеше неприятным, встретил его “едкими, незнакомыми запахами”, был весь завешан огромными мокрыми тряпками, заставлен чанами с густой разноцветной водою. В углу, в низенькой пристройке жарко горели дрова в печи, что-то кипело, булькало. И кто-то невидимый в клубах пара громко говорил странные слова: сандал — фуксин — купорос. Это был работник Каширина мастер Григорий. Однако вскоре красильня властно привлекла внимание Алеши; его “очень занимало, как ловко взрослые изменяют цвета материй, берут желтую, мочат ее в черной воде, и материя делается густо-синей – “кубовой”, полощут серое в рыжей воде, и оно становится красноватым – “бордо”. Просто, а непонятно. Мне захотелось самому окрасить что-нибудь”. За первым “опытом” последовала жестокая расплата, но и после наказания он часто бывал здесь. Алеша любил приходить в красильню, чтобы поговорить с Григорием. От Григория Алеша многое узнал о жизни Кашириных, о своем отце Максиме Савватьевиче Пешкове.

(Слайд № 8)

В нижней части дома, в *подклети* – “черной” рабочей избе - по возвращении с сыном Алешей из Астрахани поселилась Варвара Васильевна Каширина-Пешкова вдали от постоянных ссор и косых взглядов братьев.

(Слайд № 9)

Экскурсию по дому начнем с *кухни*, полутемной комнаты, с низким прокопченным потолком, огромной выбеленной русской печью, где на полатах спали дети. У печи стоит “вlaz” и деревянная лохань с висящим над ней рукомойником.

(Слайд № 10)

Обстановка: стол, накрытый самотканой скатертью, на столе большое деревянное блюдо для еды, деревянные ложки и солоница, тарелка для резки мяса, огарок свечи в железном подсвечнике, в правом углу — иконостас, в левом - “горка” с посудой. За печью — ухваты, кочерга, полка с кухонной посудой.

(Слайд № 11)

Кухня была самым обширным помещением в доме. Здесь протекала почти вся жизнь семьи. Кухня напоминает старинную русскую избу, в которой каждый угол имеет свое назначение и название: рядом с печью - бабий кут, или “стряпной угол”, где хозяйничали женщины; в красном углу по обычаю - старинный киот с иконами, рядом - большой обеденный стол, за которым и ели, и работали вечером при свете сальных свечей.

Во время семейных трапез постоянно вспыхивали ссоры, стремительно переходившие в яростные драки. С бешенством люди бросались друг на друга, опрокидывая посуду и все, что встречалось на пути. На широкие полаты русской печи, дрожа от страха, забирался Алеша во время драк, которые часто происходили в семье Каширина.

Но жестокость, как вспоминал Алексей Максимович, проявлялась не только в драках. Сыновья деда находили особое удовольствие в бесчеловечных издевательствах над старым полуслепым мастером Григорием, в избиении своих жен.

Сам дед был убежденным сторонником изуверского метода “воспитания” детей розгами. Результатом такого “воспитания” была поразившая Алешу при первом же знакомстве забитость, пришибленность детей в доме, их неискренность. В кухне у стены стояла низкая широкая лавка, на которой дед Каширин по субботам, перед уходом в церковь, жестоко порол провинившихся за неделю внуков. Возле двери в углу - ведро с розгами из ивовых прутьев. Такими розгами дед однажды засек Алешу до потери сознания за то, что внук хотел выкрасить скатерть. “Когда свой родной бьет, а не чужой, то это не обида, а наука”, - говорил дед. Однако Алексей не стал похожим на братьев. После первого наказания у него “явилось беспокойное внимание к людям” и “точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли своей и чужой”. Не страх перед мучителями, а ненависть к ним росла и крепла в душе мальчика.

В темные зимние вечера здесь работали. “...Дядья и работники приходили в кухню из мастерской усталые, с руками, окрашенными сандалом, обожженными купоросом, с повязанными тесемкой волосами, все похожие на темные иконы в углу кухни...”

Изредка тяжелое однообразие будней нарушалось буйной радостью, весельем. Это случалось в праздничные вечера, когда дед со старшим сыном уходили из дома. Бабушка устраивала на кухне чай, приглашала гостей. Разгоралось жаркое, но странное веселье. Дядя Яков, любовно настроив гитару, начинал наигрывать на ней... Его музыка “...волнуя сердце, выманивала непонятное чувство, грустное и беспокойное”. Насытив всех грустью, он “вдруг на секунду прижимал струны ладонью, а потом, сжав кулак... ухарски кричал: — Прочь, грусть-тоска! Ванька, становись!” “Бешено звенела гитара, дробно стучали каблуки, на столе и в шкапу дребезжала посуда, а среди кухни огнем пылал Цыганок, реял коршуном, размахнув руки, точно крылья...!” “Он... плясал неутомимо, самозабвенно и, казалось, что если открыть дверь на волю, он так и пойдет плясом по улице, по городу, неизвестно куда...”

Случилось однажды Алеше увидеть пляску бабушки — нельзя было глаз отвести от нее — “так буйно красива и мила становилась она в эти минуты чудесного возвращения к юности!” Но, быстро вспыхнув, веселье так же быстро угасало.

(Слайд № 12)

Из кухни дверь ведёт в комнату деда. Она была самой “нарядной” в доме. Из ее окон открывался красивый вид на улицу, круто спускавшуюся к Волге, “ощетинившейся сотнями острых мачт”, и на золотые главы Успенской церкви, стоявшей неподалеку. Комната обставлена в строгом соответствии с понятиями и вкусами деда, мелочно кичившегося своим “добром”, нажитым ценой тяжелого

труда, унижений, “добра”, яростно охраняемого от любых посягательств. Здесь выставлена напоказ лучшая в доме мебель.

В этой комнате у стены стоит диван из карельской березы. Над ним висит большая фотография — гласные Нижегородской думы 1862—1863 гг. В центре помещения — покрытый ковровой скатертью овальный стол, на нём раскрытая книга “Христианский памятник”, изданный в 1841 году, свод ежедневных правил мещанской жизни. Бывший бурлак Василий Васильевич Каширин был грамотным, он и Алешу учил читать. Рядом с книгой — гусиное перо для письма. В переднем углу, под иконами в богатых окладах — сундук-подголовник для хранения ценностей (в нем дед Каширин хранил деньги и ценные бумаги), около двери — горка с парадной посудой. На вешалке, возле печи — парадный кафтан старшины красильного цеха и бархатный жилет. Около двери, на гвоздике висит енотовая шуба.

(Слайд № 13)

Жизнь в доме определялась правилами, выработанными дедом. Будучи здесь единовластным хозяином, дед держал комнату под запором, пуская только самых “почитаемых” гостей и заказчиков.

В комнате деда Алеша бывал редко.

(Слайд № 14)

Комната Михаила — дяди А. М. Горького. Небольшую комнату по праву старшинства занимал Михаил с семьей. Обстановка этой комнаты передает колорит быта типичного для мещан второй половины XIX века: стены оклеены обоями, дощатый пол покрашен, побелен потолок. Обстановка комнаты: комод, овальное зеркало, полумягкий диван с резной спинкой. Около окна небольшой стол, на нём медный самовар с чайной посудой, штоф из-под вина, большие рюмки. На стене, над комодом висят семейные фотографии. В комнате можно увидеть парадную одежду: сюртук из чёрного сукна, рубахи-косоворотки, тканые пояса, женские платья.

В этой комнате, как и на кухне, Алеше Пешкову приходилось наблюдать жизнь “неумного племени”, когда все обиды и недовольства вымещались на самых слабых и незащищенных – таких, как кроткая тетка Наталья, первая жена Михаила, забитая им до смерти.

(Слайд № 15)

Самая маленькая и уютная комната в доме - *спальня бабушки*, с большими часами, пяльцами, коклюшками для плетения кружев. У окна комод, на нём — копилка, сундучки-укладки, предметы для рукоделия. Большую часть комнаты занимала широкая кровать с пуховой периной, покрытая стёганым одеялом, сверху — гора подушек в белых наволочках. Над кроватью висит чёрная шёлковая тальма, украшенная стеклярусом. За кроватью, в углу — большой деревянный сундук. Над ним развешана женская одежда. В правом углу около небольшого оконца - киот с каширинскими иконами, где день и ночь горела лампада. Все это разнотипные и

случайные, на первый взгляд, вещи, но они так удобно расставлены и заботливо начищены — “ухожены” — бабушкиной рукой, что это придает комнате особый уют, приветливость и веселость.

(Слайд № 16)

В комнате бабушки не раз спасался мальчик Алеша от многих жестоких обид и истязаний, физических и моральных. Здесь он часами, как зачарованный, слушал чудесные сказки и рассказы о жизни, похожей на сказку. Трудно представить себе, чем была бы его жизнь, не будь около него в эти годы Акулины Ивановны. “До нее как будто спал я, спрятанный в темноте, — вспоминает Алексей Максимович, — но явилась она, разбудила, вывела на свет, связала все вокруг меня в непрерывную нить, сплела в разноцветное кружево и сразу стала на всю жизнь другом, самым близким сердцу моему, самым понятным и дорогим человеком, — это ее бескорыстная любовь к миру обогатила меня, насытив крепкой силой для трудной жизни”.

В молодости Акулина Ивановна Каширина была балахнинской кружевницей; кружевницы эти славились в равной мере и своим ремеслом, и своими песнями. Память ее удерживала огромное количество стихов, и мальчик любил слушать ее песни, сказки и были. Бабушка познакомила его с истоками народного творчества, поэтическими образами и глубокими мыслями. М. Горький вспоминал: “...я был наполнен стихами бабушки, как улей медом; кажется, я и думал в формах ее стихов”.

(Слайд № 17)

Весной 1872 года после раздела наследства большая семья Кашириных разъехалась. Алеша Пешков в дом на Успенском съезде больше не возвращался. Осталась только память о той “невыразимо странной жизни”, где перемешалось все: доброта и злоба, грязь и красота, жестокость и милосердие, любовь и ненависть, здесь же жила и вера в мудрость и труда, в неисчерпаемую силу человека: *“Здесь смеялись мало, и не всегда было ясно, над чем смеются. Часто кричали друг на друга, грозили чем-то один другому, тайно шептались в углах. Дети были тихи, незаметны; они были прибиты к земле, как пыль дождём. Я чувствовал себя чужим в доме, и вся эта жизнь возбуждала меня десятками уколов, настраивая подозрительно, заставляя присматриваться ко всему с напряжённым вниманием”*. (Максим Горький, “Детство”.)

III. Из истории создания музея “Домик Каширина”

(Слайд № 18)

— Музей детства А. М. Горького “Домик Каширина” был открыт 1 января 1938 года.

Инициатором и автором создания музея был Федор Павлович Хитровский, великолепный знаток быта старого Нижнего Новгорода, краевед, журналист, работавший в былые годы вместе с А. М. Горьким в газете “Нижегородский листок”. Он и стал первым директором музея.

(Слайд № 19)

В 1936 году он приступил к реставрации полуразрушенного дома, который к тому времени, сменив несколько хозяев, полуразрушенный стоял среди поваленных заборов и старых сараев. В работе по созданию музея Ф. П. Хитровский опирался на воспоминания старожилов Нижнего Новгорода, бывших соседей Кашириных, воспоминания самого писателя и, в первую очередь, на автобиографическую повесть "Детство". Неоценимую помощь в воссоздании внутренней бытовой обстановки оказали родственники А. М. Горького: двоюродная сестра Екатерина Михайловна Каширина-Весовщикова (Катя по повести "Детство"), она хорошо помнила дом того времени; двоюродные братья Горького Константин и Сергей Михайлович, а также дальняя родственница Анна Кирилловна Заломова. Огромную роль в создании подлинной обстановки сыграл план дома с расположением комнат, вычерченный А. М. Горьким по просьбе Хитровского 28 мая 1936 года.

Во время реставрации под штукатуркой были обнаружены обои - 8 слоев. Самый первый слой был наклеен на газеты "Полицейские новости" 1860-х годов - время, когда здесь жили Каширины. По обрывкам старых обоев от руки были нарисованы новые типологические. Ими оклеены комнаты бабушки, деда и Михаила.

Были восстановлены каретник и красильня, высокие глухие заборы, ворота с калиткой, старинный киросиновый фонарь перед домом, булыжное покрытие двора, организован сбор предметов для бытовой обстановки музея.

“Каширины-то, словно только что вышли отсюда!” - были слова изумленной А. К. Заломовой, одной из первых посетивших музей.

(Слайд № 20)

Около домика расположена скульптура, изображающая А. М. Горького в детском возрасте. Она была создана в 1955-1957 гг. нижегородским скульптором А. В. Кикиным. В композиции из белого мрамора - мечтательный мальчик Алёша Пешков с книгой в руках, через которую он познаёт мир доброты и справедливости. Его взгляд устремлен вперед, в будущее.

IV. Подведение итогов. Рефлексия

(Слайд № 21)